

П809.2К
1918 - 2

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарская

Культура.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ.

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>В. Полянский.</i>	Национализм и социализм.
<i>А. Богданов.</i>	Наша критика. Статья I.
<i>Ф. Калинин.</i>	Рабочий клуб.
<i>А. Богданов.</i>	Идея воспитания.
—	К созыву всерос. конф. прол. к.-пр. орган. Тезисы докладов.
<i>В. Кириллов.</i>	Железный Мессия. Стих.
<i>А. Поморский.</i>	Похороны.
<i>Л. Гаев.</i>	Чудеса работы.
<i>Хроника.</i>	Вторая конф. Петрогр. „Пролеткульта“. В провинции.
<i>Библиография.</i>	Литер. Альманах. К. Тимирязев. Красное знамя. Известия Моск. пролет. Ун-та.

№ 2.

Июль, 1918 г.

Издание Орг. Бюро по созыву Всерос. Конференции пролетар. кул.-просв. организаций.
МОСКВА.

Идеал воспитания.

I.

Воспитание есть работа, превращающая человеческую личинку в действительного члена общества. Следовательно, это работа, вводящая новые единицы в социальную организацию, и таким образом ее формирующая, — работа *организационная*. Она подобна делу набора, обучения, дисциплинирования, распределения рекрутов для армии. Сущность ее заключается в том, чтобы приготовить человека к выполнению той роли, тех функций, которые ему в системе общества придется выполнять.

С развитием общества изменяется в нем роль отдельных человеческих единиц. Естественно, что изменяется вместе с тем и характер воспитания, его конкретные задачи, его идеалы.

В обществе первобытно-родовом, до-авторитарном, стихийна была вся жизнь людей, так же стихийно было воспитание. Оно, собственно, и не существовало, как особая задача. Не было власти-подчинения, почти не было разделения труда. Роль каждого члена общины в труде не отличалась от роли других, являлась стереотипной: одинаковые действия, одинаковые навыки. Ребенок готовился к ней на деле, путем непосредственного подражания старшим и путем их практических указаний, даваемых от случая к случаю, по мере надобности. Это еще зоологический тип воспитания.

Вместе с первым дроблением человеческого коллектива — на организаторский и исполнительский элементы — воспитание стало впервые выделяться, как особая задача. В обществе авторитарном (сначала патриархально-родовое, затем феодальное) имеется, в разных формах, власть руководителя-организатора; следовательно, требуется дисциплина повиновения; развивается в той или иной степени специализация; значит нужно и специальное обучение. Строй этот консервативен по основной своей тенденции; таким образом, роль каждого заранее predeterminedена либо прямо ролью его родителей, занятия которых он наследует, либо вообще указаниями традиции.

Господство авторитета и традиций означает мироотношение всецело религиозное. Таково же тогда и воспитание. Религия внушает ребенку понятия и чувства, образующие авторитарную дисциплину: убеждение в непреложности властного начала, божественного и земного, преклонение и покорность перед ним. Она же дает ему связь традиции: откровение в прошлом, незыблемость устоев, завещанных предками, и тем самым — священных. Что касается специального обучения тому или иному делу, то оно было всецело эмпирическим, проводилось на самой практике, путем подражания с одной стороны, властных указаний — с другой. Никакой теоретической подготовки не было, и быть не могло, так как научной точки зрения не существовало. Хотя воспитание и стало уже особою задачею, но оно не сделалось еще особою специальностью. Воспитателем является „авторитет“, в начале ближайший — родители ребенка, которые и потом сохраняют эту роль, до сих пор; затем, как руководитель общего воспитания, выступает организатор жизни общины, патриарх; позже его сменяет жрец; тот и другой — представители религии, традиции, власти.

Идеал воспитания здесь прост, ясен и чужд отвлеченности: подготовить человека для вполне определенной, не им выбранной, общественной функции.

II.

Буржуазное общество есть мир, в своих основах *индивидуалистический*. Он характеризуется обособлением личности, противоположением человека человеку, порождаемым силою коренных жизненных условий этого строя: развивающейся специализации, частной собственности, внешней независимости частного хозяйства, противоречиями частных интересов на рынке, борьбою их на всем поле жизни. Жизнь противопоставляет отдельную личность всем другим,

как специалиста, собственника, контр-агента или конкурента, вообще, как особый центр интересов и стремлений, как борца за себя и свое. Этим маскируется общественная связь сотрудничества; она скрывается от сознания людей под непрерывными столкновениями человеческих атомов, под войною всех против всех.

Эта связь, однако, не перестает существовать объективно — иначе общества не было бы, оно бы рассыпалось, как живая пыль, которая в своем бессилии была бы поглощена стихиями, чтобы стать мертвым прахом. Связь существует и ставит борьбу в рамки, удерживающие и охраняющие объективное сотрудничество. Но она является сознанию эпохи в затемненном виде, под оболочкою множества отвлеченных фетишей: стоящих над людьми „законов“ „права“, „справедливости“, „нравственного долга“, общеобязательной для них и не зависящей от них „истины“, „красоты“ и пр. В своей непонятности для мышления, рассматривающего их через призму борьбы, эти схемы социальной связи настолько отрываются от жизни, над которой, однако, они господствуют, что кажутся самостоятельными, абсолютными целями, для которых все остальное — только средство: „да погибнет мир, лишь бы совершилась справедливость“.

В мире борьбы побеждает и выживает сильнейший, лучше вооруженный. Поэтому она, путем подбора, ведет к совершенствованию специалистов. Из этого процесса совершенствования, и из постоянного расширения опыта во много раз выросшего общества зарождается научное мышление. Оно по существу своему прогрессивно, враждебно традиции.

Борьба и прогресс непрерывно изменяют отношения людей. Благодаря этому роль каждой данной личности заранее не predetermined. Человек должен сам ее определить: найти, выбрать свое призвание, свою специальность. Специальностью становится всякая общественная деятельность, в том числе воспитательская. Характером общественного строя ясно и непреложно намечаются задачи воспитания. Они гораздо сложнее, чем это было раньше. Человека требуется подготовить к свободному выбору специальной функции в обществе, к ее выполнению, ее совершенствованию; и все это должно соединяться с отстаиванием личностью своих интересов, которое, однако, не должно разрушать общей социальной связи.

Отсюда вытекает схема индивидуалистического воспитания. Ее элементы: „общее образование“, „специальное образование“, „воспитание характера“. Общее образование дает наиболее важные и наиболее общие знания и методы из различных специальных областей, как введение ко всем ним и подготовку выбора между ними. Дальше идет специальное образование, которое относится к выполнению и совершенствованию выбранной человеком функции. Воспитание характера, параллельное образованию, заключается в развитии самостоятельности и дисциплины. Самостоятельность требуется для борьбы, для отстаивания своих интересов; это самостоятельность по преимуществу боевая. Дисциплина же здесь означает самоподчинение фетишам морали, права и проч. Она должна удерживать борьбу за себя и свое в социальных рамках, не допуская ее переходить в разрушение, в дезорганизацию общества.

Таков индивидуалистический идеал воспитания. Он соответствует основному строю, основным тенденциям буржуазного мира. Но буржуазный мир не выступает в истории как точно оформленная, кристаллизованная система. Он постепенно складывается, развиваясь сначала внутри феодального общества, затем разрывая и сбрасывая его оболочку; и даже в своих наиболее законченных формах он сохраняет элементы авторитарности в строении семьи, капиталистического предприятия, государства, с его бюрократией, и особенно армией. В различных группах и классах буржуазного общества элементы индивидуализма и авторитета соединяются в разнообразных формах и соотношениях. Соответственно этому, в фактически применяемых системах воспитания, в зависимости от характера господствующих классов и групп, основной идеал затемняется примесью остатков и пережитков прошлого, как

напр., преподаванием на ряду с науками богословия, а также мертвых языков, воплощающих для массы юношества только дух традиции, внушение детям рядом с идеей свободного и чистого служения долгу, истине, справедливости — также и нерассуждающего послушания властям и т. п.

Индивидуалистический идеал воспитания, в сущности, так и не успел полностью, во всей чистоте осуществиться на деле, когда в жизни зародился и стал быстро развиваться на смену ему иной высший идеал.

III.

Новый мир — коллективистический — зарождается и растет среди буржуазного общества в виде рабочего класса, его организации, его новой культуры, завершается в социалистическом строе.

Организационная основа коллективизма — *товарищеское сотрудничество*, именно в той высшей его форме, которая складывается на почве машинного производства и развивается дальше в классовых объединениях пролетариата. В этом сотрудничестве, как мы знаем, разделение функций перестает разделять людей: все по мере знаний и опыта участвуют в выработке коллективной воли (обсуждение и решение), каждый затем в ее исполнении. Роль каждого в общем деле может и должна меняться сообразно потребностям коллектива; каждый определяет ее сообщая с другими, участвует в ее определении для других, это совершается вновь и вновь, роль сотрудника является текучей. Выработка общих методов труда в машинном производстве и идущая следом за ней выработка общих научных методов познания делают впервые возможной такую подвижность труда; капитализм, своими колебаниями рабочего рынка и неустойчивостью положения всех видов труда, превращает ее в жизненную необходимость. Для социализма же она — условие гибкости форм производства и планомерности его развития.

Здесь общественный деятель уже не специалист, или, вернее, далеко не только специалист. Таким деятелем при выработке коллективной воли является каждый; да и вообще всякая работа принимает в сознании человека ясно-общественный характер; социальное сотрудничество не затемнено борьбой и разединением, его связь прозрачна.

Из основных условий нового мира сам собой вытекает новый идеал воспитания. Оно должно подготовить человека не только к выбору своей функции в системе сотрудничества, притом выбору повторяемому, но и к участию в ее определении для других членов коллектива. Воспитание должно, следовательно, давать *общие* знания и *общие* методы труда, которые и создаются на этой степени развития; в этом новое „общее образование“ отличается от прежнего, которое по необходимости сводилось к сообщению обрывков, хотя бы наиболее важных и общих, из специальных областей знания и специальных методов.

Для выполнения и совершенствования функций должно, очевидно, как и прежде, служить специальное обучение. Но здесь оно не занимает такого огромного места в жизни, как это было раньше, отступая перед общим воспитанием, и не ограничивается одной специальностью для каждого человека. В этих условиях оно не суживает психику, а дополняет и расширяет общее воспитание, являясь его частным, практическим развитием в ту или иную сторону.

Воспитание воли гораздо глубже меняет свой характер и направление. Нелепа мысль, что коллективизму не свойственна или не нужна личная самостоятельность. В коллективе каждый *дополняет* других, в этом сущность его роли. Но дополнять их он может постольку, поскольку от них отличается, поскольку своеобразен, поскольку самостоятелен. Ясно, что смысл этой самостоятельности не в отстаивании личных интересов, а в инициативности, критике, оригинальности — вообще в развитии индивидуальных способностей. Самая шаблонная защита индивидуализма основана на игре слов, смешивающей его с развитием индивидуальности — в смысле индивидуальных способностей.

На деле только коллективизм впервые создает условия для систематического и планомерного их развития. Мир индивидуализма подавляет наибольшую их массу не только своей суживающей жизнью специальностью, но еще более—необходимостью для человека отстаивать свою творческую индивидуальность ценою жестокой борьбы, в которой огромное большинство людей заранее поставлены в самые невыгодные условия. Из этого большинства те немногие, которым удалось отстоять ее, могут жизненно проявить ее лишь в пределах того остатка сил, который у них сохранится сверх растрат этой борьбы. Такова индивидуалистическая свобода индивидуального развития.

Воспитание должно дисциплинировать человека для общества. Но это уже не слепая дисциплина повиновения авторитету, не фетишистическая дисциплина долга и закона. Эта новая дисциплина—живой товарищеской связи коллектива, сознательного подчинения его общим интересам, его целям.

Таков новый идеал воспитания. Он выше всех прежних, и труднее его осуществление. Но он ясно намечается в жизни, шаг за шагом пробивает путь через ее сопротивление.

Роль воспитателя достигает здесь наибольшей важности и ответственности. Но зато она впервые ясно выступает перед ним во всей своей глубине и величии. Он сознает себя действительным организатором общества, создающим истинного человека, из того, что не было человеком.

А. Богданов.